

УДК 811.111'373.43

© **Валентина Гузикова**

доцент кафедры иностранных языков
Уральского юридического института
МВД России,
кандидат филологических наук, доцент

© **Valentina Guzikova**

Associate professor of the Foreign Languages dept.
of the Ural Law Institute
of the Ministry of the Interior of Russia,
Ph.D in Philology, Associate Professor
e-mail: guzikovav@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА ПОЛИЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТРАН

Статья посвящена рассмотрению лингвистических особенностей профессионального языка полиции на основе полицейских отчетов на английском языке. Полицейский дискурс в целом относится к особой манере разговора и письма, разработанной полицейскими учреждениями в англоязычных странах. Автор анализирует природу, лингвистические характеристики и предполагаемое значение лексических единиц, предпочитаемых в этом регистре, их встречаемость и частоту. К особенностям юридического языка относятся наличие технического словаря, архаичная, формальная или необычная терминология, безличные и пассивные конструкции, номинализации, длинные и сложные предложения, а также многословность и избыточность. Основное внимание в этой статье уделяется анализу влияния юридического английского языка на стиль письменного дискурса полицейских, а также коммуникативных целей, которым призван служить такой языковой выбор.

Полицейский дискурс в целом относится к особой манере разговора и письма, разработанной полицейскими учреждениями в англоязычных странах. В статье мы обсуждаем природу, лингвистические характеристики и предполагаемое значение лексических единиц, предпочитаемых в этом регистре, их встречаемость и частоту. В процессе проведения анализа конкретного типа регистра делается попытка установления репрезентативных языковых особенностей и их распределения в корпусе связанных текстов. Бибер [1] указывает, что регистр — это «общий термин для обозначения ситуативно определенных разновидностей [...], связанных с конкретными контекстами или целями», которые зависят от языковых сообществ их пользователей [2, с. 5]. Халлидей определяет регистр как «группу связанных

функций, имеющих более чем случайную... тенденцию к совместному возникновению» [3, с. 162]. Анализ признаков регистра обязательно является количественным, поскольку «соответствующие различия регистров основаны на различиях в относительном распределении языковых признаков» [1, с. 29]. Что касается полицейского письменного дискурса, в результате исследования обнаруживается, что он представляет собой весьма условный и институционально управляемый образец использования языка.

Несмотря на то, что все полицейские отчеты и сообщения, составляющие рассматриваемый корпус, представляют собой рассказы о личном опыте, написанные следователями, которые составили отчет, их язык чрезвычайно формален и демонстрирует очевидную тенденцию предоставлять все необходимые детали, которые могут быть сочтены важными на любой момент следственного процесса. Berg et al. считают, что хорошо составленный отчет об инциденте резюмирует действия и наблюдения сотрудника в хронологическом порядке, дает подробный отчет о месте преступления, показаниях свидетелей и описании улик [4, с. 12].

Полицейские отчеты имеют далекоидущие последствия, и сотрудник полиции осознает их значимость. Описывая важность эффективных навыков составления полицейских отчетов, а также различных целей полицейских рапортов, Скарамелла считает, что на написание данных документов может влиять ряд переменных, таких как «симпатии и антипатии руководителей; формальное образование; [...] и способность инструктора привить молодым офицерам важность письменного отчета в самом начале их карьеры» [5, с. 49]. Не находящиеся на службе в полиции полагаются на детали, представленные в отчетах; прокурор должен понимать весь спектр события, просто прочитав полицейский отчет, а затем он должен будет решить, все ли элементы преступления были должным образом представлены, чтобы предоставить веские основания для судебного разбирательства и в итоге доказать правоту. Помимо прокурора, судьи, другие адвокаты и присяжные должны будут полагаться на конкретную информацию, зафиксированную в полицейских отчетах, для принятия решения о виновности или невиновности.

В статье представлены некоторые результаты исследования письменного дискурса полиции. Данное исследование проведено на основе корпуса полицейских отчетов на английском языке. Эти отчеты были составлены британскими и ирландскими полицейскими, и все они содержат в себе анонимную информацию. Поэтому имена участников,

городов, полицейских участков и другие важные детали, которые могут поставить под угрозу их анонимность, скрыты (обычно их заменяют слова ИМЯ, ОБВИНЯЕМЫЙ, ГОРОД и т. д.). Культурные различия не оказали существенного влияния на заметный синтаксический и лексический выбор из двух источников. Отчеты обычно содержат информацию о конкретных методах совершения преступления, конкретных телесных повреждениях или материальном ущербе, нанесенных потерпевшим, и всех различных действиях, предпринятых сотрудником полиции для расследования преступления.

Общий отчет о происшествии представляет собой фактическое описание преступления. Офицеры, ведущие первоначальное расследование, являются первыми специалистами, которые принимают меры на месте происшествия. Сотрудникам чрезвычайно важно «точно и описательно зафиксировать кратковременные доказательства» [6, с. 2], то есть кто, почему, что, когда и как. Основное внимание в данной статье уделяется анализу влияния юридического английского языка на стиль письменного дискурса полицейских, а также коммуникативных целей, которым призван служить такой языковой выбор. Юридический английский здесь ограничен языком письменных уставов, нормой, устанавливающей письменный тип жанра, который часто подразумевает общение, которое «непрофессиональные читатели не могут легко понять» [7, с. 127]. С другой стороны, некоторые особенности письменного языка полиции, которые также будут обсуждаться в этой работе, характерны для этого типа регистра и не могут быть найдены в юридических документах.

Стилистический анализ, направленный на выявление моделей употребления в устной и письменной речи, составляет главную основу этого исследования. Тиерсма отмечает, что «хотя большинство правил, регулирующих обычную беседу, также применимы к юридическому языку, язык закона во многих важных отношениях сильно отличается от обычной речи» [8, с. 48]. К особенностям юридического словаря относятся технический словарь, архаичная, формальная или необычная терминология, безличные и пассивные конструкции, длинные и сложные предложения, а также многословность и избыточность. Тиерсма также отмечает, что этот список в значительной степени совпадает с характеристиками, которые лингвисты связывают с письменным языком в целом [8, с. 44–50].

Согласно Култхарду, «говорить и писать как полицейский (или в полицейском регистре) — это то, что мы можем распознать стилистически, и заявления полиции имеют свой собственный

отличительный стиль, мотивированный потребностью в точности и четкости» [9, с. 78]. Язык полиции являлся предметом многих исследований, уделяющих основное внимание различным аспектам допросов подозреваемых и свидетелей в полицейских участках (Haworth, 2002; Cotteril, 2007; Shuy, 1998, 2005; Rock, 2008 и многие другие). Однако большинство этих исследований касалось языка полицейских опросов, особенно вопросов, связанных с различными лингвистическими стратегиями, используемыми сотрудниками полиции во время интервью, и асимметрией власти между участниками в институциональном контексте. С другой стороны, в данной статье исследуются некоторые лингвистические особенности письменных полицейских отчетов, которые составляют вне контекста взаимодействия полиции и подозреваемых. Однако можно сказать, что такие тексты обычно создаются в тех же условиях и теми же группами людей, что и разговорный дискурс, который полицейские используют во время допросов, так что письменное и устное общение во многом связано.

Холл утверждает, что «язык, используемый полицией при исполнении своих обязанностей [...], можно рассматривать не просто как набор клише, формул и шаблонов, а скорее как конкретный набор их, воспринимаемый как соответствующий полицейской работе, как контекст использования сотрудниками, выполняющими эту полицейскую работу» [10, с. 67–68]. Анализируя категории участников в юридическом общении, Рок, Хеффер и Конли заявляют, что «можно было бы ограничить юриспруденцию теми, кто имеет юридическое образование и профессиональную юридическую квалификацию, позволяющую им осуществлять практику в рамках этой профессии» [11, с. 5–6]. Но одновременно они добавляют, что «наблюдая за взаимодействием между юристами (адвокатами и судьями) и полицейскими в суде [...], совершенно ясно, что они не принадлежат к одному и тому же сообществу практиков и не имеют одного и того же образования, подготовки или стиля взаимодействия. В то же время те, кто работает в профессиях, связанных с законом, находятся под сильным влиянием закона в своей практике взаимодействия». В этом отношении полицейский регистр тесно связан с юридическим дискурсом с точки зрения его чрезмерно бюрократического характера, отличающегося высоким уровнем формальности, сложной структурой предложений, использованием архаизмов и технической лексики. Кристал утверждает, что язык права является наименее коммуникативным из всех видов использования языка и далек от «неформального спонтанного разговора» [12, с. 194]. В этой статье попытаемся дать представление о некоторых основных

сходствах между полицейским и юридическим стилем, а также о некоторых особенностях самого полицейского регистра, отличающих его от обычного английского.

Использование существительных вместо соответствующих местоимений является отличительной чертой как юридического, так и полицейского языка. Тьерсма утверждает, что, по крайней мере, в письменном юридическом языке, юристы склонны уклоняться от использования местоимений. Избегание местоимений рассматривается как важный инструмент для достижения точности и ясности. Вполне вероятно, что полицейские повторяют лексические элементы вместо использования личных местоимений в своих сообщениях, чтобы избежать двусмысленности любого рода [13, с. 72]. Следующий отрывок представляет собой пример из корпуса полицейских отчетов:

«As I approached the laneway on North Av I saw Garda [A member of the Irish police force] NAME and Student Garda NAME talking to a youth. I got out of the Patrol Car and approached them. I saw that this youth was soaking wet, he had black hair, approx. 18–19 yrs., slim build. Garda NAME arrested this youth on suspicion of having committed Aggravated Burglary at NAME STREET. This youth gave his name as NAME, ADDRESS. We placed this youth into the rear of the Patrol Car. The time of arrest was 4.30 am».

В приведенном выше примере мы наблюдаем повторяющуюся фразу *this youth* в тех случаях, когда личное/объектное местоимение *he/him* было бы достаточным в контексте. Во избежание возможных недоразумений полицейский повторяет существительное, даже если antecedent совершенно очевиден. В результате такие предложения могут быть довольно перегруженными, но этот факт, по-видимому, не представляет проблемы для сотрудников полиции. Практика избегания личных местоимений присуща юридическому языку, и эта модель в высшей степени последовательна во всем корпусе полицейских отчетов, за исключением местоимения первого лица.

Помимо того, что полицейские избегают личных местоимений, они выбирают устаревшие лексические единицы, такие как *said* (упомянутый) и *aforesaid* (вышеупомянутый), функционирующие как артикли или указательные местоимения. Тьерсма указывает на то, что эти слова почти наверняка являются буквальными переводами с юридической латыни или французского языка, заменяющими иностранные слова, «которые относятся к человеку или вещи, которые были более полно представлены ранее в тексте» [13, с. 90]. Приведем пример из корпуса:

«Upon arrival, I drove along NAME Street in an effort to locate the said premises».

Помимо сложных предлогов и предложных фраз, которые в большом количестве присутствуют в письменной форме языка представителей полиции и также являются «богатым источником избыточных слов» [14, с. 731], мы находим слово *said* («сказанное») в приведенном выше примере используемым в его архаическом, юридическом значении указательного местоимения.

Во многих других примерах можно заметить, что слово *said* используется вместо определенного артикля или указательных местоимений *this/these (that/those)*, определяющих существительное, которому оно предшествует. *Aforesaid* в значении «вышесказанное», являющееся более длинным вариантом слова *said*, встречается гораздо реже в полицейских отчетах, и нами обнаружено только три примера его использования в корпусе. Эти архаичные слова, вероятно, используются для придания серьезности и возвышенности докладу, который будет представлен в качестве доказательства юридической аудиторией. Похоже, что полицейские следуют юридическому стилю даже в том случае, когда рассказывают о личном опыте, который, естественно, менее формален в других регистрах. Хейдон отмечает, что «представляется разумным предположить, что в своей повседневной работе сотрудники полиции считаются выполняющими свои обязанности и представляющими полицию как институт, а не как отдельных лиц, и что это неким образом предусматривалось бы в качестве особенности институционального дискурса полиции» [15, с. 154].

Другим юридическим терминологическим элементом, распространенным в полицейских отчетах, является использование архаичных местоименных наречий, таких как *thereafter*, *therein*, *wherein*, *herein* и т. д. Эти наречия обычно используются в юридических материалах с целью избежать повторения существительных, обозначающих личные имена, предметы и прочее в документе, или для обозначения определенного юридического документа. Следующий отрывок из полицейского отчета представляет собой яркий пример частотности этого конкретного местоименного наречия в полицейском письменном дискурсе:

«I thereafter carried out a TYPE check on the accused details which revealed that the accused was currently on bail set at NAME Court on DATE that he must reside at ADDRESS TOWN. I thereafter informed the accused that there was a current bail condition in force that he must reside at ADDRESS in TOWN... and I thereafter conveyed the accused to

POLICE STATION where he was processed through the Custody Management Suite as an arrested person and informed of his rights... The accused was then placed in a police cell and I thereafter discussed the incident with RANK NAME (non-witness). I thereafter spoke with witness NAME who had taken the initial phone call... I thereafter submitted an additional police report (NUMBER refers) in relation to this vandalism».

Наречие *thereafter* в значении «после этого» встречается в этом отрывке исключительно в постсубъектной позиции, как и в случае с его более современным вариантом, наречием времени *then*, постсубъектная позиция которого в полицейском регистре была широко исследована и доказана как одна из наиболее отличительных черт «языка полиции» (Fox, 1993; Coulthard, 2006; Hall, 2008).

Как показано в работе Фокса, размещение наречия сразу после подлежащего является нетипичным для обычного употребления языка [5, с. 186]. Кроме того, корпус полицейских отчетов содержит примеры постсубъектной позиции других временных наречий, таких как *subsequently*, *at first* и *later* (впоследствии, сначала и позже), или наречий образа действия, таких как *again* и *continually* (снова и постоянно), используемых в этой позиции обычно для выразительности. Следовательно, его постсубъектное положение в полицейских отчетах может рассматриваться как заметная особенность полицейского регистра, по крайней мере, по сравнению с разговорным английским и газетными текстами.

Что касается местоименных наречий, то в полицейских отчетах преобладают сочетания *there* и предлог. Деепричастие *whereby* также встречается в корпусе, но оно употребляется необычным образом. Основное значение этого формального местоименного наречия заключается в том, что полицейские обычно используют его как формальный эквивалент *where* или *in which*, как в следующем примере:

«This male was involved in an attack on a female Police Officer attempting to arrest him whereby he strangled the officer to the point of unconsciousness with CS Spray having no effect at that time».

В современных английских словарях это значение не встречается. На самом деле такое употребление принято считать нестандартным и неточным в устной и письменной речи.

Исследования по проблемам понимания и грамматической структуры, проведенные сторонниками движения «За понятный английский» (Plain English Movement), показывают, что доминирование действительного залога в повседневной речи облегчает понимание и делает его менее сложным. Тем не менее дело в том, что страдательный

залог иногда является практически единственным вариантом, если мы хотим избежать двусмысленности и предотвратить произвольные выводы, особенно в отношении юридических документов, поскольку «ясно, что действительный залог и страдательный имеют некоторые собственные отличительные функции» [16, с. 80].

Поэтому пассивные конструкции гораздо чаще встречаются в юридическом дискурсе, чем во многих других менее формальных регистрах. Возможно, пытаясь быть как можно более объективными и безличными, полицейские также предпочитают пассивы вместо использования обычных подлежащих в предложениях, таких как: *The police were called and a search was commenced.* — Полиция была вызвана, и начался обыск.

Наша цель в данном случае не в том, чтобы утверждать, что конструкция в действительном залоге или в страдательном лучше или хуже, а в том, что встречаются такие контексты, в которых одно или другое более уместно. Существует множество примеров некорректных конструкций в полицейских отчетах, которые не помогают понять, а излишне усложняют структуру предложения, указывая на распространяющуюся тенденцию полицейских избегать активных структур там, где это возможно. Приведем выдержку из полицейского отчета:

«This was seen as being accessed from going up a flight of stairs in the barn, and over to a concealed area in among the rafters which was directly above the livery. The flooring was seen as having been pulled up, leaving a hole behind which would be adequate enough for a person or persons to drop down through and into the said livery».

С помощью безличной конструкции *this / the flooring was seen* полицейский тщательно излагает свои собственные впечатления, основанные на том, что он видел на месте преступления, намеренно допуская возможность различных мнений или доказательств, которые могут появиться в ходе дальнейшего расследования. Можно испытывать чувство неопределенности при прочтении такого рода сообщений о событии. Хотя мы можем не согласиться с бюрократическим стилем отчетности в приведенном выше примере, все же можно понять, что сотрудник, занимающийся предварительным расследованием, оставляет окончательные выводы о том, что на самом деле произошло, более компетентным экспертам и следователям.

В заключение отметим, что многие полицейские ведомства Великобритании издавна используют слишком формальный язык, отличающийся сложными предложениями и чрезмерным использованием страдательного залога. Официальные полицейские отчеты,

проанализированные нами, включают в себя много длинных и громоздких предложений, которые в некоторых случаях не только грамматически неверны, но и трудны для понимания. С другой стороны, предполагается, что язык этих докладов должен быть кратким и ясным и эффективно передавать необходимую информацию. Конфликт между необходимостью предоставления недвусмысленной информации и охвата всех возможных толкований, с одной стороны, и эффективной и лаконичной отчетностью, с другой, в полицейских отчетах, по-видимому, решается таким образом, что приоритет отдается исключительно первому. Риск быть неточным или двусмысленным слишком высок, так что стиль обычно страдает от преобладания всеобъемлющей информации. В некоторых случаях, однако, обнаруживается, что полицейские делают лингвистический выбор (который вряд ли можно объяснить поиском наиболее информативного типа выражения), принимая неудобные способы выражения своих мыслей в письменной форме как приемлемые и даже желательные.

Список основных источников

1. Biber, D. Dimensions of register variation: A cross-linguistic comparison / D. Biber. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995. — 428 p.
2. Ure, J. Introduction: approaches to the study of register range / J. Ure // *International Journal of the Sociology of Language*. — 1982. — № 35. — P. 5–23.
3. Halliday, M. A. K. On the Language of Physical Science. Mohsen Ghadessy (ed.) Registers of Written English: Situational Factors and Linguistic Features (OLS) / M. A. K. Halliday. — London : Pinter, 1998. — P. 162–178.
4. Berg, B. Report Writing for Police and Correctional Officers / B. Berg, G. Gibbs, M. Miller. — McGraw-Hill Humanities, 2012. — 256 p.
5. Scaramella, G. L. Report Writing / G. L. Scaramella // *Introduction to Criminal Investigation* / M. Birzer, C. Roberso (eds.). — New York : CRC Press. Taylor & Frances Group, 2012. — 400 p.
6. Redwine, K. B. The Importance of the Police Report, Criminal Justice Institute School of Law Enforcement Supervision, Session XXII [Electronic resource] / K. B. Redwine. — Mode of access: http://www.cji.edu/site/assets/files/1921/importance_of_police_reports.pdf. — Date of access: 23.02.2021.
7. Oates, L. Just writing: Grammar, punctuation, and style for the legal writer (Rev. ed.) / L. Oates, A. Enquist. — New York : Aspen Publishers, 2009. — 358 p.
8. Tiersma, P. Some Myths about Legal Language / P. Tiersma // *Journal of Law, Culture and Humanities*. — 2006. — № 2 (9). — P. 44–50.
9. Coulthard, M. An Introduction to Forensic Linguistics: Language in Evidence / M. Coulthard, A. Johnson. — New York : Routledge, Taylor & Frances Group, 2007. — 256 p.
10. Hall, P. Policespeak / P. Hall // *Dimensions of Forensic Linguistics* / J. Gibbons, M. T. Turell (eds.). — Amsterdam : John Benjamins, 2008. — P. 67–94.

11. Heffer, C. *Legal-Lay Communication: Textual Travels in the Law*, Oxford Studies in Sociolinguistics / C. Heffer, F. Rock and J. Conley (ed.). — Oxford : Oxford University Press, 2013. — 352 p.
12. Crystal, D. *Investigating English Style* / D. Crystal, D. Davy. — London : Longman Group Limited, 1969. — 278 p.
13. Tiersma, P. M. *Legal language* / P. M. Tiersma. — Chicago : The University of Chicago Press, 1999. — 328 p.
14. Wydick, R. C. *Plain English for Lawyers* / R. C. Wydick // *California Law Review*. — 1978. — Issue 4. — Vol. 66. — P. 727–765.
15. Heydon, G. *The Language of Police Interviewing: A Critical Analysis* / G. Heydon. — London : Palgrave Macmillan, 2005. — 229 p.
16. Hiltunen, R. *Chapters on Legal English: Aspects past and present of the language of the law* / R. Hiltunen. — Helsinki : Suomalainen Tiedeakatemia, 1990. — 122 p.

LINGUISTIC FEATURES OF THE PROFESSIONAL POLICE LANGUAGE OF ENGLISH-SPEAKING COUNTRIES

The article is devoted to the consideration of the linguistic features of the professional language of the police on the basis of police reports in English. Police discourse generally refers to a particular manner of speaking and writing developed by police agencies in English-speaking countries. The author analyzes the nature, linguistic characteristics and intended meaning of the lexical units preferred in this register, their occurrence and frequency. The features of the legal language include a technical vocabulary, archaic, formal, or unusual terminology, impersonal and passive constructions, nominalizations, long and complex sentences, as well as verbosity and redundancy. This article focuses on the analysis of the influence of legal English on the style of written discourse of police officers, as well as the communicative goals that such a language choice is intended to serve.